Вспоминая годы войны

18 августа – День Курильского десанта

Я, Ларьков Георгий Федорович родился 3 мая 1927 года в Карагинском районе в селе Ивашка.

Отец был уроженец Пензенской области. Он был ссыльным, царское правительство выслало его на Камчатку на поселение за участие в бунте. Сначала отец попал на западный берег, потом переселился в Ивашку, где женился.

А мать местная, Косыгина. У матери отец был Косыгин, он был женат на корячке.

Семья у нас была большая – 9 человек. Мой брат Владимир живет в Палане, он всем известен, его еще знают как Коянто. У нас в семье Ларьковых было трое, а остальные шестеро Косыгинские, мама потом вышла замуж за Косыгина.

Я был призван в армию, попал в 3 взвод, 2 автоматной роты, 138 полка, 101 стрелковой дивизии. В Петропавловске прибыли в областной военкомат, там нас ждали три сержанта, распределяли по взводам по росту.

Из военкомата пошли в полк, который стоял на 75-м км, а весь полк был в летних лагерях. Казарма была трехэтажная. Переночевали, утром баня и нас переодели в солдатское обмундирование. После завтрака и бани нас направили на политзанятия. Уже было начало июля, день выдался солнечным, было тепло, занятие проходили на поляне. Когда мы пришли, то там уже сидела большая группа солдат, все в заплатанных и застиранных гимнастерках. Офицер читает лекцию по международному положению.

Пригляделся к солдатам, узнаю одного из Ивашки – Комышина. Его посадили на 3 года. К нам в Ивашку осенью не дошел пароход с продуктами и выгрузил для нас продукты в Уке. Председатель рыбкоопа послал каюров возить груз из Уки в Ивашку. А Комышин собрал много талонов на крупу и свой мешок не повез в рыбкооп, а прямо домой, а в рыбкооп отдал свои карточки. За это ему дали три года тюрьмы. После боев на Шумшу, а они высаживались первые, Камышин остался жив, его наградили и отпустили домой.

Я к нему подсел. Он говорит: сам не пойму, сегодня ночью нас выпустили, тех, кто был осужден до 3 лет – 300 человек, переодели и на лекцию. Во время лекции офицер часто повторял: Япония – агрессор.

Потом мы прибыли на Халатырку. Здесь уже стояли палатки, для каждого отделения отдельная палатка. Первый день ходили обедать на полковую кухню, а потом обед стали привозить прямо к палаткам. Днем занимались строевой подготовкой. Вечером иногда показывали фильмы. Командир роты очень редко появлялся у нас.

9 августа подошли машины, мы сели и поехали на 75 участок, в полк, на склады. Погрузили в кузов автоматы, гранаты, лопаты, противогазы, каски. Автоматы были ППШ, круглый диск на 71 патрон и рожковый на 35 патронов.

Приехали на место, раздали оружие, сразу смазку сняли.

Когда я нес ящик с патронами, остановился передохнуть, на мосту через речку у меня упала в воду пилотка и уплыла. Объяснил все сержанту, а он говорит: иди ищи, пока не найдешь, обратно не приходи. Я поискал, а где там найдешь? Кругом заросли кустов и травы. Пока искал пилотку, наткнулся на бетонные колпаки, это были огневые точки, залез туда, очень хороший обзор.

Стали пристреливать автоматы, пристреливали сержанты, а мы только чистили. 15 августа появился командир взвода, молодой лейтенант. 16 августа заиграла строевая музыка, прозвучала команда: «Боевая тревога! Снаряжение по-боевому». Выдали сухой паек, мы надели каски и пошли пешком в город. К 16 часам пришли на судоверфь. Объявили, кто хочет подать домой телеграмму, дайте ее девушкам-связисткам. Матери дал телеграмму: «Ухожу на учения, после учений напишу письмо». Потом команда: «Распечатать по одной банке тушенки на двоих».

Ночью загорелись костры, некоторые солдаты пели «Калинку», танцевали, они видимо знали, что скоро будут бои. Утром нас погрузили в трюм десантной баржи американской постройки. В трюме койки двухъярусные - брезентовые. Автоматы повесили на крючок, вещмешки под голову и спать. С мостика все команды подавались через специальную трубу.

17 августа утром прибыл командир роты. Объявляет: «Будем принимать присягу». После принятия присяги объявляют, что можно выходить на палубу по одному. Я вышел, Авачинская бухта полная судов, и большие и маленькие, сюда собрался весь камчатский флот и даже с дальних рыбозаводов. Вечером подняли якорь, заработала машина, и мы в 5 вечера вышли в море, начало качать. Суда все шли в кильватере. Смотрю, идет торпедный катер, а кораблям нет конца и края.

Подняли обращение командующего операцией Гнечко, которое зачитал командир роты. В нем говорилось, что мы идем на освобождение исконно русской территории – Курильских островов. Капитан передал, что в 3 часа утра высадка. Я вытащил свой мешок, вынул фотографию матери, перебрал вещи и всю ночь не смог уснуть. В 3 часа объявляют, что высадка из-за тумана переносится на 9 утра. Все опять уснули. В девятом часу подошли к Шумшу. Капитан нашей десантной баржи был из Балтики, там воевал, имел награды, а здесь сплоховал. Остановил баржу, а до берега 300 метров, а он уже выбросил на корме якорь, на котором судно должно было само себя вытянуть.

Началась высадка, нас обстреливали с нашего затонувшего танкера «Мариуполь», на котором японцы установили пушки и крупнокалиберный пулемет. Сразу один снаряд разорвался и осколком попал прямо в лицо, а другому зад разорвало. Впереди меня шел Мирошниченко из педучилища, ему осколок рассек лицо пополам. У нас стрелял пулемет только с одного борта, т.к. со второго борта не могли стрелять, мешали свои.

От взрывов баржа загорелась, команда уносила раненых и тушила пожар. Я выскочил на трап и доложил командиру, что я последний и больше в трюме никого нет. Туман рассеивался. Как раз был отлив, камни оголились. На камнях ребята находились, а пулемет их расстреливает. Раздалась команда: «Снять шинели». Командир стоит на виду, его убили. Ребята прыгали в воду и сразу же тонули, один за другим, некоторые достигали ближайших камней, их тут японцы же расстреливали из пулемета. У них все было пристреляно. Когда моряки высаживались, им давали комплект запасного белья: высадился, переоделся и вперед. Меня до сих пор мучает вопрос, почему так случилось, что мы подошли прямо под японские пушки и пулеметы. Надо воевать хитростью, а не за счет смертей.

Группа с майором Шутовым была уже на высоте. Баржи подходили полные людей, возили с больших кораблей. Пушка с Мариуполя выстрелит и только ноги летят в разные стороны. При каждом капитане был представитель командования, у нас на барже сын одного из командующих, капитан Дьяков. Капитан баржи стал убегать на лодке, Дьяков его вытащил. Дьяков скомандовал: «Отменяется высадка». Заработала лебедка. Стали отходить. Транспорт «Дальневосточник» стоит полный горючего в бочках. Нас высадили на мыс Лопатку, а баржа ушла в Петропавловск. Капитана, говорили, будут судить. Две трети погибло на нашей барже. До берега добрались единицы. Ночь переночевали, на следующий день пришла такая же баржа, и нас перевезли на Шумшу.

19 августа на барже идем прямо на берег, все высадились по трапу даже не намочились. Нас на то же место высадили, где мы были вчера, пошли на аэродром, здесь 23 и 24 августа принимали капитуляцию. Сразу же на поле прошло комсомольское собрание, у нас забрали автоматы и выдали длинные винтовки. Норма была такая – 30 человек охраняют 1000 человек. Японцам каждый день во время построения напоминали, если произойдет какое-нибудь событие по их вине, например, побег, будут расстреляны 10 человек.

Японские пленные жили в бараках по 250 человек. На острове была японская рыболовная база, так эти пленные ходили рубить кедрач для отопления этой базы. Вырубили весь кедрач на острове. До ноября были на Шумшу, а потом их отправили.

Потом нас перевели на другой остров, в учебное подразделение.138 полк был награжден орденом Ленина, 373 полк награжден орденом Красной звезды. На Парамушире, южной оконечности, на мысе Васильева я шесть лет отслужил. На мысе Васильева был прекрасный пирс, на Охотское море и на Тихий океан. Демобилизовался я в 1951 году, приказ был в январе, а нас отпустили домой лишь в июле.

Записал Виктор Борисов

(17 марта 1995 года, п. Усть-Камчатск)